

Годенко Надежда Михайловна

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК "С ТОГО БЕРЕГА" (О ЯЗЫКЕ КНИГИ Е. ЕВТУШЕНКО "МОЖНО ВСЕ ЕЩЕ СПАСТИ")

В статье на материале, почерпнутом из сборника стихов Евгения Евтушенко "Можно все еще спасти" (2011), рассматриваются проблемы, порожденные удаленностью от стихии родного языка, следствием чего являются языковая глухота, ошибочная трактовка реалий, нарушение законов орфоэпии, оборачивающиеся, в конечном счете, деформацией художественного мира, поскольку автор не способен контролировать и направлять вышедшие из подчинения и спонтанно развивающиеся процессы автономизации неподконтрольных ему смыслов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/9-1/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (39): в 2-х ч. Ч. I. С. 38-41. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

HISTORY AND THE PRESENT IN A. K. GLADKOV'S PLAY "LONG LONG AGO"

Godenko Nadezhda Mikhailovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Maxim Gorky Literature Institute
n-godenko@mail.ru

The play "Long Long Ago" belongs to the corpus of texts created in the 1930-1940s as variations on the topics from the Russian history. The playwright A. K. Gladkov constructed his heroic comedy on the references to the works of the Russian classical literature, giving preference not to the adherence to facts but to the adherence to the historical ideals common both for the War of 1812 and for the present. This article is devoted to the analysis of the cultural references and similarities expressed in addition in details and plot reminiscences taken the place in many respects according to the author's message of the realia of the described historical period.

Key words and phrases: heroic comedy; special vocabulary; servilism in art; "quasi- historicism"; anecdote; historical entourage; defence literature; prototype.

УДК 82.09

Филологические науки

В статье на материале, почерпнутом из сборника стихов Евгения Евтушенко «Можно все еще спасти» (2011), рассматриваются проблемы, порожденные удаленностью от стихии родного языка, следствием чего являются языковая глухота, ошибочная трактовка реалий, нарушение законов орфоэпии, обращающиеся, в конечном счете, деформацией художественного мира, поскольку автор не способен контролировать и направлять вышедшие из подчинения и спонтанно развивающиеся процессы автономизации неподконтрольных ему смыслов.

Ключевые слова и фразы: Евгений Евтушенко; иноязычная среда; Ойген Розеншток-Хюсси; русская транскрипция; профессиональная лексика; языковая глухота.

Годенко Надежда Михайловна, к. филол. н., доцент
Литературный институт имени А. М. Горького
n-godenko@mail.ru

**СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК «С ТОГО БЕРЕГА»
(О ЯЗЫКЕ КНИГИ Е. ЕВТУШЕНКО «МОЖНО ВСЕ ЕЩЕ СПАСТИ»)©**

Задача данной статьи – продемонстрировать на материале русской поэзии постсоветского периода то, как используемая автором лексика участвует в конструировании художественного мира, при этом роль, которую играет лексическая составляющая литературной ткани, не всегда созидательная: ошибочное или неточное использование лексических единиц, связанное зачастую с незнанием реалий, сомнительным их истолкованием, может не только исказить первоначальный замысел, но и в некоторых случаях разрушить смысловую конструкцию.

Проблема, положенная в основу нашей работы, а именно – давление чуждой языковой среды и чреватая катастрофой оторванность писателя от стихии родного языка, представляется куда более значительной, нежели принято ее оценивать. Как правило, проблема эта отходит на второй или третий план, бывает заслонена либо вовсе подменена проблемой отсутствия читательской аудитории, драматизмом существования литератора на чужбине. Однако значение ее давно, если и не осознали, то почувствовали сами литераторы, попавшие в положения не только и даже не столько политических, сколько языковых изгоев. Вспомним хотя бы рассказ А. Аверченко о русском писателе, волею судеб оказавшемся в эмиграции. Писатель этот, всходя на корабль, чтобы плыть к иным берегам, посылает прощальный привет родине, ностальгически вспоминает прожитое, кроме прочего, и ресторан «Медведь», где можно было запить ароматный расстегай рюмкой чудесной рябиновой. А спустя два года, обосновавшийся в Париже, этот персонаж рисует нечто из российской жизни, как ее помнит: «Была большая дождика. Погода был то, что называй веритабль петербуржъен. Один молодой господин ходил по одна улица по имени сей улица: Крешиатики. Ему очень хотелось *manger*. Он заходишь на Конюшню сесть на медведь и поехать в *restaurant*, где скажишь: *garcon, une tasse de рабинович* и одна застегайчик *avec тарелочка с ухами*» [1, с. 118]. Уха, особой формы пирог с начинкой, рябиновая на коньяке – все преобразилось в памяти по мере того, как вживался персонаж в иноязычную среду, а родной язык постепенно забывался, реалии выветривались.

Представляется, что автор рассказа «Трагедия русского писателя» не относился к сочинению этому с большой серьезностью. Рассказ юмористический и создан для того, чтобы потешить читателей. В том, что забавная эта фантазия на самом деле есть пророчество, в полной мере убедиться автор не успел, хотя интуиция его не обманула. Тем не менее, то, что потери неизбежны, показал творческий путь даже таких мастеров, как И. Бунин, А. Куприн, Е. Замятин, не говоря уже об авторах менее оригинальных и самостоятельных.

Проиллюстрируем нашу мысль примерами, взятыми из книги Е. Евтушенко «Можно все еще спасти» [3], и название которой подразумевает противостояние враждебным силам, то есть прессинг чуждых обстоятельств, мешающих ощутить полноту бытия. Но, как представляется, хотел того автор или нет, выбранное им название редуцировано наличием упомянутой проблемы: кроме безвозвратно ушедшего прошлого, его с помощью стихов пытается воскресить поэт, и малопонятных ему, непривычных современных реалий, каковые, не освоенные личным опытом, ускользают от воплощения, давление оказывает языковая среда, чуждая автору.

Сборник достаточно точно характеризует издательская аннотация, где, в частности, отмечено: «В новую книгу, кроме стихов – любовных, публицистических, воспоминательно-исповедальных, вошли фрагменты мемуаров, посвященных тем или иным важным или любопытным событиям истории, непосредственным свидетелем которых был автор, а также своеобразные, в чем-то неожиданные портреты друзей – Андрея Вознесенского, Беллы Ахмадулиной, Владимира Высоцкого. Завершает книгу оригинальный, не имеющий аналогов путеводитель по музею современной живописи, созданному поэтом в Переделкино...» [Там же, с. 4]. Следует лишь добавить, что сборник объединяет произведения, написанные в 2005-2011 годах (в подзаголовке обозначено «Из самого нового»). Между тем, поэт уже два с половиной десятилетия живет в Америке, читает лекции студентам университета города Талса [2] и появляется в России лишь периодически. Таким образом, основная, вернее, тотальная языковая среда, в которой существует автор книги «Можно все еще спасти», это среда англоязычная. Даже принимая во внимание, что с домашними общение происходит на русском языке, язык этот функционирует по законам, по которым функционирует язык в малых группах и замкнутых сообществах, стремясь к упрощению, теряя гибкость [5].

Итак, Е. Евтушенко живет в иноязычной среде, для которой характерны и своя система ассоциаций, и свои орфоэпические законы (а ведь и то, и другое для поэта – вещи первостепенные), и последствия кататрофичны. Притупление чувства языка можно обнаружить в стихотворении «Эти глаза напротив», где имеются такие строки:

В броне, как вражеские танки,
перед дымящимся «азу»
сидели три официантки,
руками ерзя в тазу [3, с. 15].

Сама ситуация, описанная здесь, не вполне ясна. В тазу с горячим мясом (ср. «дымящимся») рыться голыми руками невозможно, следовательно, речь может идти о том, что сырое («парное») мясо перемешивают вручную перед тем, как отправить на плиту. Но тогда неточен глагол «ерзя». Согласно словарю, глагол этот имеет значение: «сидя, беспокойно двигаться» [4, с. 162]. Однако и второй вариант, наиболее близкий по смыслу, не описывает данного процесса.

В том же стихотворении, посвященном встрече с женщиной, которую герой когда-то любил, говорится о ней, постаревшей и подурневшей:

лицо запрягав, как увечность [3, с. 16]...

Поэт и здесь неточен. «Увечность» синоним «искалеченности», «нетрудоспособности», тогда как вернее было бы говорить о «повреждении, недостатке», что, по С. Ожегову, «изъян» [4, с. 207].

В стихотворении «Первая женщина» описывается любовное свидание, на котором юный герой робеет перед многоопытной возлюбленной, которая к тому же и старше его.

На посиделках у крылечка
шепнула ты: «Смелее будь.
Зайди под кофту... Там, как печка», –
и пригласила руку в грудь [3, с. 17].

Но «грудь» понятие из области анатомии, медицины. Подразумеваемые автором женские акциденции, «грудю» (таким образом, грудь – одна из двух грудей, ср. «дать ребенку грудь»).

Ослабленное чувство языка стало и причиной того, что описание первого обладания женщиной, которое, по мысли поэта, должно было быть описано как космогонический процесс, событие вселенских масштабов, из-за неточно подобранного глагола («войти» в разговорной речи означает «начать совокупление») звучит почти скабрёзно:

...но я в тебя, дрожа от счастья,
как во вселенную вошел [Там же, с. 18].

В стихотворении «Это – женщина моя» отсутствие необходимой здесь связки оборачивается элементарной неграмотностью:

Ты стояла с моей книжкой
взять автограф у меня [Там же, с. 19]...

То есть, «встала в очередь, чтобы получить автограф любимого поэта».

Не чувствует автор и того, что в качестве равноценных элементов он ставит рядом понятия разнородные:

И назло толпе и рынку,
среди жлобства и жулья [Там же, с. 20]...

«Жлобство», согласно С. Ожегову, это свойство, присущие жлобу поведение или манеры [4, с. 168], тогда как «жулье» – определенный контингент, совокупность жуликов [Там же, с. 169].

В стихотворном триптихе «Цунами» о влюбленных сказано:

И, держа на дистанции лица [3, с. 39]...

Между тем, «дистанция» – это «расстояние между чем-то, промежутком». А в заключительной части триптиха имеет место столь характерная для последних стихов Е. Евтушенко неточность ударения. Взяв за норму английское звучание слова «weekend», он записывает его в русской транскрипции, не беря в расчет того, что в русском языке слово существует уже с иным ударением.

Просила ты: «Из головы все выкинь...
Поедем – ну, хотя бы в Таиланд...
Хоть на неделю... Ну хоть на уикенд...» [Там же, с. 41].

Из других неточностей в этом стихотворении укажем неверно подобранный глагол: «С чего же тут произошло цунами?» [Там же, с. 42] (цунами не «происходит», а «возникает» вследствие тех или иных причин), и составленное из отторгающих друг друга элементов словосочетание «трупы убиенных наповал» [Там же], где «убиенных» заимствовано из устаревшей лексики, тогда как наречие «наповал» функционирует в разговорном языке, причем окрашено немалой экспрессией.

Не чувствует поэт и деструктивной нелепости, которая окрашивает четверостишие, автором поданное в качестве панегирика любимой женщине:

И вдруг прошли все наши ссоры,
и я не знал тебя такой,
чтоб ты могла бы сдвинуть горы,
лишь прикоснулась бы щекой [Там же, с. 51].

Впрочем, автохарактеристика, предложенная поэтом в стихотворении «Коля в Оклахоме» (подразумевается чешский фильм «Коля», один из героев которого – старый холостяк), столь же нелепа и в свете здравого смысла, и в свете реалий русского языка.

Потому все тот же Евтушенко я,
что надежду вижу и в тоске
сквозь живую дырочку волшебную
в беззащитно холостом носке [Там же, с. 142].

Определение «холостой» воспринимается либо как «незаряженный» (ср. «холостой патрон», «холостой выстрел»), либо как «неженатый», но отнюдь не как «носок холостяка». Почему поэт смотрит на мир через дырку в чужом носке остается загадкой.

Стихотворение «Впроголодь» демонстрирует непонимание законов, по которым функционируют устойчивые словосочетания либо идиомы. Порядок слов, множественное или единственное число для устойчивого словосочетания – вещи основополагающие. По-видимому, исходя из законов языка, где предложение строится по жестким принципам, поэт переоценил свободу русского языка, трактуя ее как свободу, ничем не регламентируемую:

...мы на стихи в Политех прорывались,
голова очертя [Там же, с. 92].

Здесь значения «отчаянно», «смело до бесшабашности», которые подразумевает словосочетание «очертя голову», утрачены, а «голова очертя» воспринимается едва ли не как реальный процесс. Об исторической точности данного фрагмента не следует и задумываться – в Политехническом выступали поэты поколения «шестидесятников»: А. Вознесенский, Б. Ахмадулина, Р. Рождественский, Е. Евтушенко. Можно было бы допустить, что поэты «прорывались» сквозь толпу желающих попасть в зал, но прорываться «на стихи» означает – рваться на собственное выступление.

Сомнительным представляется и образ, построенный на обыгрывании словосочетания «искра божья» в стихотворении «Мы перестали быть одним народом...»

Подросткам в космах? Постным богомольцам,
в которых Бог ни разу не искри'л? [Там же, с. 108].

Образ этот (достаточно спорный) мог бы существовать тогда, когда бы ударение было сдвинуто на первый слог глагола: «и'скрил». Ударение же на последнем слоге характерно для глагола, функционирующего в специальной, профессиональной лексике (ср. «розетка искри'т»), вследствие чего образ получает нежелательную, ироническую окраску.

В нелепое положение ставит себя поэт и тогда, когда в стихотворении «Язык мой русский» демонстрирует именно языковую глухоту.

Негоже хвастаться спесиво,
но атеистам на Руси
и тем пришлось бурчать: «Спасибо»,
забыв, что это: «Бог спаси» [Там же, с. 111].

Следует напомнить, что «спасибо» – это «спаси ты бог», тогда как «бог спаси» из области чурания, заклатья. Иноязычную огласовку встречаем мы и в стихотворении «Куда едут крыши»:

Андерсеновский мальчик,
задает вопрос постаревшей статуе Ли'берти [Там же, с. 129]...

Для русского языка, куда слово «либерти» пришло из французского, а не из английского, ударение традиционно – на последнем слоге. Тот же случай и в стихотворении «СССР-ФРГ – 1955 год», что указывает на неслучайный характер подобной огласовки:

Увидела даже статуя Ли'берти [Там же, с. 156]...

Кстати, стиховой инерции в данном случае явно не хватает, а потому и слово «статуя» читается с ударением на «у», с огласовкой просторечной, а это, конечно же, не было запланировано автором.

И в заключение последний из многих возможных примеров. В стихотворении «Так им и надо!» ударение, характерное для английского первоисточника (ансамбль «The Beatles»), подчеркнута тем, что усилено рифмовкой, тогда как для русской традиции, сформировавшейся самостоятельно, в силу различного рода исторических обстоятельств, ударение падает на последний слог «битлы'», «битло'в», ср. «козлов», «волов»:

Там и заморожены павшие в битвах –
в айсбергах – родичи будущих битлов [Там же, с. 206].

На этом ударении построено и целиком все стихотворение «Баллада о пятом битле».

Вывод, который можно сделать на основании проанализированных примеров, таков: вольно или невольно, существуя в чужой языковой среде, литератор начинает терять остроту восприятия собственного языка, слух его притупляется. А поскольку язык, во-первых, и в-главных, это не абстрактная система соподчиненных единиц, а совокупность смыслов, то разрушение языковых норм неизбежно отражается и на восприятии этих смыслов, что, в свою очередь, сказывается на восприятии и воспроизведении реалий действительности, о которой ведет речь автор. Дотошное перечисление несуразниц и попросту ошибок в этих реалиях, встречающихся на страницах книги «Можно все еще спасти», не входило в нашу задачу. Констатируем лишь – несуразницы и ошибки встречаются неоднократно. И причины тому не изъяны памяти, а жизнь вдалеке от стихии родного языка, и это отражается и на том, как сказано, и на том, что говорится.

Список литературы

1. **Аверченко А.** Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 2000. Т. 6. 480 с.
2. **Евтушенко Евгений Александрович** [Электронный ресурс]. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Евтушенко,_Евгений_Александрович (дата обращения: 15.04.2014).
3. **Евтушенко Е.** Можно все еще спасти. М.: Эксмо, 2011. 544 с.
4. **Ожегов С.** Словарь русского языка. М. – Харьков: Оникс, Мир и Образование, Харвест, 2010. 1200 с.
5. **Розеншток-Хюсси О.** Язык рода человеческого. М. – СПб.: Университетская книга, 2000. 608 с.

THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE "FROM THAT BANK" (ON THE LANGUAGE OF YE. YEVTUSHENKO'S BOOK "IT IS STILL POSSIBLE TO SAVE ALL")

Godenko Nadezhda Mikhailovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Maxim Gorky Literature Institute
n-godenko@mail.ru

In the article by the material from the collected poems of Yevgeny Yevtushenko "It Is still Possible to Save All" (2011) the author considers the problems caused by the remoteness of the element of the native language which results in linguistic deafness, wrong interpretation of realia, violation of the rules of orthoepy leading finally to the deformation of artistic world as the writer is not able to control and direct out of submission and spontaneously developing processes of autonomism of senses being beyond his control.

Key words and phrases: Yevgeny Yevtushenko; foreign language environment; Eugen Rosenstock-Huessy; Russian transcription; professional vocabulary; linguistic deafness.